

П. Вашингтон О Рудольфе Штейнере

Из книги "Бабуин мадам Блаватской"

Теософский миф повествует о существах, называемых Повелителями Темного Лица, злых ангелах, роль которых заключается в том, чтобы сбивать людей с пути истинного. У ранних теософов они были неопределенными "темными силами", которые безуспешно сражаются с Великим Белым Братством Учителей. В работах теософа второго поколения, австрийского философа Рудольфа Штейнера (1861-1925) они получили более конкретное оформление. Согласно Штейнеру, главные враги человечества - Люцифер и Ариман, воплощения духа гордыни и духа материализма. Ариман искушает людей тем, что заставляет отрицать духовное и предлагает доверять лишь разуму и чувствам, являясь, таким образом, своеобразным духом, отрицающим дух. Он покровительствует современной науке и технике, в частности, тем, кто заявляет, будто бы человек ничем не отличается от животных. Люцифер, "несущий свет", еще более тонко уводит людей с истинного пути, соблазняя их верой в свои исключительные духовные силы и побуждая их приниматься за такие дела, какие им не по плечу. Он покровительствует современной литературе, философии и искусству.

Для теософов не представляло труда обвинить своих противников в том, что те, какими бы благими намерениями они ни руководствовались, тем не менее способствуют Темным Силам. Со временем в этом обвинили и самого Штейнера, когда он отошел от теософии и основал свое общество. Он вовсе не походил на бунтовщика: невысокий, тихий, серьезный и аскетичный философ, трудолюбивый ученый, увлеченный немецким идеализмом. Несмотря на то что он некоторое время возглавлял Германский филиал Всемирного Теософского Общества и, несомненно, стал бы одним из ведущих теософов, Штейнер оставил Общество сразу, как только осознал, что оно мешает его собственным идеям. Он был не только духовным лидером, но также и художником, архитектором, политическим теоретиком и интеллектуалом, мечтавшим о построении нового мирового порядка, основанного на идеях, почерпнутых им из мира духовного.

Но на основании этой характеристики не следует думать, что он был полностью оторван от реальности. Штейнер был не только романтиком, украшавшим свой непритязательный костюм пышным артистическим галстуком, но и реалистом, создавшим своего рода империю, превзошедшую теософию по популярности и могуществу. Его высказывания заострили внимание на проблемах, существовавших внутри Общества. И хотя он написал множество работ, способных соперничать по своей фантастичности с тем, что писал Ледбитер, нельзя представить себе более резкого контраста между декадентской фривольностью

круга Ледбитера-Уэджвуда и возвышенной философией Штейнера и его стремлением к серьезной работе.

Возможно, единственной чертой, связывающей Ледбитера со Штейнером (за исключением членства в Обществе, разумеется), было то, что их отцы работали на железной дороге. Штейнер родился в семье станционного смотрителя в далеких от цивилизации горах Штирии и был воспитан на Австро-Венгерской границе, в деревне, где не очень приветливо относились к чужакам. Его родители - крестьяне из поместья Хорн к северу от Вены - бежали от своего господина, графа фон Хойос Шпринценбурга, запретившего им жениться. Жили они бедно, и юному Рудольфу приходилось ходить в школу за несколько миль пешком, часто по глубокому снегу.

Одиноким, серьезным и задумчивым ребенком, Штейнер с ранних лет стал "провидцем" - общался с духами, обитавшими на близлежащих холмах. Позже он стал таким взрослым, о котором мечтал Вордсворт: никогда не теряющим ощущения присутствия другого мира, скрытого за повседневной реальностью и видимого духовным взором. Внутреннее око у многих закрывается во взрослом возрасте, но у некоторых остается на всю жизнь. Когда Штейнер понял, что принадлежит к этому меньшинству, он решил посвятить себя обучению других этой способности духовного ясновидения - хотя странно, что он стал не поэтом, подобно Вордсворду, а философом в духе Канта, проповедовавшего рационализм и отстраненный взгляд на объективную реальность.

Как мыслитель, Штейнер отличался медлительностью, тщательностью и педантичностью, и эти свойства только усилились от знакомства с немецкой академической традицией. Он обожал своего отца, который мечтал об успехе сына: желая сделать из него образованного техника, он настоял на том, чтобы Рудольф поступил в университет. Но через несколько лет карьера технического специалиста закончилась, не успев начаться, - юноша познакомился с классической немецкой литературой и философией. Книги он брал в библиотеке местного доктора - довольно эксцентричного человека, принимавшего проезжих пациентов на железнодорожной платформе.

Гете, Шиллер и Лессинг - столпы немецкой литературной традиции - оказали на него влияние тем, что научили задумываться о высоких моральных идеалах и ценить внутренний духовный мир. Первый серьезный урок он получил приблизительно в возрасте пятнадцати лет, когда понял, что для большинства людей "духовный мир" является понятием отвлеченным, связанным исключительно с фантазией и воображением. Это открытие заставило его задуматься над сравнительной ценностью повседневных, доступных восприятию большинства знаний и своего собственного "провидческого" опыта, который был для него так же реален, как и обыденный мир. Неужели он все только воображал, размышлял он, или же все-таки есть что-то на самом деле? Если да, то какие выводы следует сделать из этого?

Задавая себе такие вопросы, Штейнер инстинктивно подошел к древнему философскому и религиозному противопоставлению видимости и сущности и нашел подобные вопросы в работах Канта. Пытаясь опровергнуть Хьюма, заявлявшего о неспособности человеческого ума обладать определенным знанием

мира, Кант говорил, что это в принципе возможно; но при этом ему пришлось создать теорию двух миров: феноменального и ноуменального. Феноменальный мир - это мир кажущегося, который воздействует на наши органы чувств, заставляющие мозг сделать предположение о том, что это и есть настоящая реальность. Но за этим миром скрывается царство истинной реальности, или ноуменов, - того, что называется "вещью-в-себе" и никогда не может быть понято нашим разумом.

Эта формула предлагала Штейнеру решение его проблемы. Кант был прав, постулируя существование ноуменов, но неверно определял их как принципиально непознаваемые. Ибо Штейнер чувствовал, что его духовные видения на самом деле были отражением высшей реальности, и он отвергал мнение Канта о том, что нельзя познать "вещь-в-себе". Другие бы остановились на этом, но Штейнер, заразившись страстью Канта к доскональному исследованию природы познания, хотел получить объяснение, каким же образом можно воспринять эти видения, если обычные органы чувств тут не годятся. Ему нужна была философская теория, которая бы связала феноменальное и ноуменальное.

Ко времени поступления в университет он открыл некоторые предварительные, на его взгляд очень важные, ответы на эти вопросы. Во-первых, он пришел к заключению, что духовный мир реален, а не иллюзорен; во-вторых, что единственный способ узнать о нем и изучить его - это наблюдать за ним, подобно тому как ученый наблюдает за материальным миром; в-третьих, что единственные пределы его восприятия заключены в способностях наших органов чувств; и в-четвертых, что должны существовать особые органы чувств, которые просто-напросто атрофированы у большинства людей. Согласно его представлениям, эти органы - нечто вроде духовного аппендикса. Отсюда логически следовало отрицание превосходства материализма, объясняющего любое знание как результат работы органов чувств.

Такие взгляды серьезно противоречили духу прагматического материализма, царившего в Техническом Университете Вены, где самым влиятельным идеологом считался австрийский дарвинист Эрнст Геккель.

Штейнер не мог принять материалистическую теорию эволюции, и это вполне объяснимо. Более необычно то, что он отрицал механические теории тепла и света в физике, поскольку ни одна из этих теорий не принимала во внимание духовные факторы. Позиция довольно экстремистская, поскольку большинство христиан вполне согласны с существованием подобных теорий, полагая что Бог мог создать, какие Ему угодно законы физики. Но противопоставление духа и материи порождало такие проблемы, которые Штейнер мог разрешить, только признав главенство духа и его приоритет перед материальным миром. Точно так же он отрицал эпистемологические теории: в царстве духа знание и опыт суть одно и то же.

В своей борьбе против материализма он мог призвать на помощь Гете - не как поэта и драматурга, а как ученого и философа. Его знакомство с трудами Гете разрешало проблемы, поставленные Дарвином и Геккелем. Теория света Гете (антиньютонова и потому обычно отрицаемая учеными) предлагала считать свет

посредникам между чувственным и сверхчувственным, а теория растительных метаморфоз предполагала, что низшие формы эволюционируют в высшие посредством духовной или сверхчувственной силы. Кроме того, Гете были свойственны дух универсализма и чувство целостности всего мироздания. Он желал найти точку опоры, которая объединила бы разделенные феноменальный и ноуменальный миры Канта и отсюда его идея духовных метаморфоз - некое подобие теории эволюции Ламарка, в которой признается существование творческой силы Вселенной и говорится, что различные виды - это иллюзия, воспринимаемая нами вместо непрерывно изменяющегося потока из-за кратковременности человеческой жизни.

Для Штейнера, как и для Шоу, эволюция была скорее всего именно метаморфозами, и позже (в лекции, прочитанной им в 1905 г.) он признал, что спорит не с неodarвинизмом, но всего лишь с его материалистическими положениями. Согласно Штейнеру, Геккель и его коллеги не могли включить в свои теории такие явления, как, например, чудо Христа. Некогда наделенный даром ясновидения, человеческий род с течением времени потерял эту способность, подвергнувшись "инволюции", то есть все более тесной связи с материальными телами, пока из духовного мира не явился Христос и не показал ему вновь истинный путь эволюции. Эволюция, в понимании Штейнера, должна сопровождаться ростом способности к пониманию Высшей Реальности и к прозрению. Такого явления, как чисто материальная эволюция, просто не существует: сам факт, что нечто эволюционирует, предполагает (на самом деле, даже доказывает) присутствие духа, цели и по меньшей мере зарождающегося сознания.

Штейнер знал, что Гете отрицал туманный мистицизм и субъективизм в пользу ясного размышления и объективного изучения сверхчувственных феноменов. При этом Штейнер вновь вспоминал об идее науки. Его встречи с духами, как он верил, были даны ему как знание, полученное посредством органов духовного восприятия, равнозначных с другими органами чувств. Следовательно, он отрицал спиритуализм, как предвзятый и иррациональный. Медитация, предпринимаемая им в целях развития психических органов, действовала точно так же, как тренировки активизируют физические органы. Таким образом, благодаря Гете, Штейнер взглянул на науку не как на препятствие духовному развитию, но как на помощника на пути к нему.

Штейнер верил, что на Гете серьезное влияние оказали розенкрейцеры и другие эзотерические традиции, находившиеся в тени общественной жизни, начиная с эпохи Ренессанса. Эта вера убедила его в том, что правильный путь для европейцев - это не восточная ветвь теософии, но нечто называемое им "западным эзотеризмом", - подобная формулировка была и у Анны Кингсфорд. Этот эзотеризм был доминирующей философией в три эпохи: во время Пифагора и Платона, в эпоху Ренессанса и в наше время, начавшееся в конце девятнадцатого столетия. В других случаях он находился в тени. Теософия - это всего лишь знак его возрождения.

Оставив университет в 1884 г., Штейнер стал учителем четырех сыновей Паулины и Ладислава Шпехтов в Вене. Один из мальчиков страдал водянкой мозга

и отставал в психическом развитии. Штейнер шесть лет довольно близко общался с этой семьей, и учительский опыт помог разработать ему теорию лечебного обучения, которая легла в основание его школ и духовной педагогики. Штейнер обнаружил, что концентрация ребенка и его способность к восприятию были чрезвычайно ограничены; его следовало надлежащим образом подготовить к тому, чему предстояло обучить. Эта подготовка занимала больше времени, чем сам процесс обучения. Их отношения представляли забавный контраст к обучению Ледбитером Кришнамурти. К сожалению, Штейнер не уделял особого внимания тому, чтобы фиксировать свои методы, хотя, как кажется, они состояли, в основном, в расположении к себе ученика и установлении с ним близкого психологического контакта. Важным открытием для самого Штейнера явилось, во-первых, то, что учитель должен учитывать связь между телом, умом и душой; и, во-вторых, осознание неповторимости и уникальности каждого ребенка. Эти открытия, как кажется, каждый великий педагог должен делать заново, хотя они имеют исключительно важное значение в эпоху механической зубрежки, когда старая гуманистическая педагогика пришла в упадок, не оставив после себя хоть сколько-нибудь последовательной и всесторонней теории образования.

На протяжении шести лет Штейнер работал в тесном сотрудничестве с матерью детей - Паулиной, влияние которой заметно способствовало прогрессу ребенка и самого Штейнера. На протяжении жизни он не раз встречался с сильными волевыми женщинами, начиная с жены своего профессора в Вене, и, хотя он любил настаивать на абсолютном несоответствии между его собственным развитием и духовными откровениями, очевидно, что здесь можно заметить некоторую связь. Каждая стадия его карьеры знаменуется знакомством с новой женщиной.

В 1890 г. он дал согласие переехать из Вены в Веймар для работы с архивом Гете по приглашению Великого Герцога Саксонии. Саксонское правительство собиралось выпустить полное собрание сочинений Гете и предложило Штейнеру стать редактором его научных трудов. В Веймаре он не только вошел в круг людей, интересовавшихся культурой и социальными проблемами, но встретился с третьей женщиной, сыгравшей немаловажную роль в его жизни - Анной Эвникой. В 1897 г. он последовал за овдовевшей фрау Эвникой в Берлин, где, снимая квартиру в ее доме, зарабатывал на жизнь журналистикой и преподаванием.

В 1899 г. они поженились. Она была простой женщиной с материнскими инстинктами, которая заботилась о своем муже, готовила ему пироги и печенья, чтобы скрасить его аскетическую жизнь. Штейнер всегда оставался крайне сдержанным человеком, позволяя себе единственную вольность - носить своеобразные галстуки и иногда простоту манер, показывающих его простонародное происхождение. Хотя впоследствии он приобрел многочисленных покровителей из аристократической среды, в гостиных он чувствовал себя неловко. Даже те, кто находил его неординарным человеком, говорили, что иногда он бывает молчалив и неразговорчив, даже после сорока лет, проведенных в "порядочном" обществе. В сущности, Штейнер был человеком из народа и черпал в нем свои незаурядные силы. Проведя молодые годы среди интеллигентов Вены, Веймара и Берлина, часто посещая салоны и кафе, он тем не менее сознательно сохранял определенную дистанцию, оставаясь самим собой и не идя ни на какие

уступки. Из-за этого отчуждения он и казался либо загадочным, либо чересчур эгоистичным (в зависимости от точки зрения наблюдателя).

Вскоре после женитьбы на фрау Эвнике Штейнер начал преподавать в берлинском колледже для рабочих, основанном бывшим соратником Маркса Вильгельмом Либкнехтом, основателем Германской социал-демократической партии. Этот колледж давал рабочим возможность получить высшее образование, и Штейнер преподавал в нем философию и литературу. В этом ему помогала фрау Эвника, посещая некоторые его лекции и радушно принимая у себя дома учащихся. Но ее, как и марксистское руководство колледжа, беспокоил возрастающий интерес Штейнера к теософии.

С теософией Штейнер познакомился в 1880-х годах, прочитав сочинения Синнетта и Блаватской. Со временем большинство из теософских работ он отверг, сделав исключение для "Тайной доктрины", которую он рассматривал как наиболее примечательный из всех современных эзотерических текстов (кроме своих). Эти книги предоставили ему по крайней мере частичное объяснение психических феноменов, испытываемых им с детства. Кроме того, они укрепили его веру в возможность установления связи между наукой и религией посредством учреждения нового типа знания. В 1889 г., после психического и духовного кризиса, он начал постепенно отходить от преподавательской деятельности и уделять все больше внимания своему духовному призванию. Этот процесс достиг высшей точки в июле 1902 г., когда, посетив теософский конгресс в Лондоне и познакомившись с Анни Безант, Штейнер возглавил Теософское Общество Германии, Швейцарии и Австро-Венгерской Империи.

Переход от неопределенных социалистических симпатий к явному пристрастию к теософии объяснить нелегко. Как и Анни Безант до этого, Штейнер стал объектом критики и насмешек со стороны своих бывших коллег-социалистов. О перемене своих взглядов он объявил на лекции, обращенной к бывшим студентам, в которой он восхвалял мадам Блаватскую, всячески подчеркивая отличие ее идей от спиритуалистических и вспоминая немецкого философа И. Х. Фихте, заявившего о том, что задачей немецких гуманитариев должно стать превращение философии в новую теософию (Фихте действительно использовал это понятие). Но говорить публично о происшедшей с ним перемене и не было необходимости. Студенты и так заметили, что он вернулся из Лондона, сбрив усы и приобретя шляпу-котелок. Этим он словно показывал, что отныне он интересуется не тем, что внизу, но тем, что наверху. Во время лекции его глаза были устремлены куда-то в пространство. Вскоре он перестал читать лекции рабочим.

На конгресс 1902 г. его сопровождала Мария фон Сиверс, аристократка, изучавшая драматургию, работавшая вместе с ним с 1900 г. В 1903 г. он переехал из дома Анны Эвники в берлинскую штаб-квартиру Теософского Общества, где жила и фрейлейн фон Сиверс. С этих пор она стала его постоянным спутником, организуя его деловую жизнь и слушая его лекции. Поначалу эти лекции привлекли немногочисленную аудиторию. Но Штейнера это не заботило - он утверждал, что лекции посещают также невидимые духовные существа и духи умерших, желающие приобщиться к оккультному знанию.

Следующие шесть лет для Штейнера ознаменованы сложными взаимоотношениями с миссис Безант. Несмотря на осознаваемые обоими идейные разногласия, поначалу они оставались друзьями. Анни посетила Берлин в 1904 г., и Штейнер переводил ее работы на немецкий. Однако Штейнера привел в недоумение скандал с Ледбитером, ему не нравились ориенталистские тенденции Анни, да и она не слишком доверяла его преданности Обществу. Между ним и его немецкими коллегами также наметились трения, которые выразились в их нежелании находиться у него в подчинении. К тому же многие не интересовались эзотерической ветвью христианского мистицизма. При жизни Олькотта с его политикой взаимной терпимости все филиалы еще сохраняли перемирие, но на теософском конгрессе 1907 г., спустя три месяца после смерти полковника, когда Анни Безант выставила свою кандидатуру в качестве его преемника, стало очевидно, что раскол неизбежен.

Конгрессом в Мюнхене руководил сам Штейнер, и ему представился случай ясно высказать свое отношение к теософии. Он украсил зал печатями, упомянутыми в "Апокалипсисе", и бюстами своих героев - философов-идеалистов Гегеля, Фихте и Шеллинга. Ничто не указывало на Учителей или индуистских богов, почитавшихся Безант. Напротив, центральным событием конгресса стало представление "Священной Элевсинской Драмы" Эд. Шюре, переведенной с французского Мария фон Сиверс и отредактированной самим Штейнером. Намерения его были очевидны: он хотел переместить фокус внимания с Востока на Запад.

Шюре предпринял попытку воскресить древнегреческие мистерии. Штейнер дополнил его текст собственным "розенкрейцеровским" символизмом, и спектакль вызвал бурные дискуссии. Штейнера обвинили в использовании Общества для пропаганды своих неохристианских идей. Сам же Штейнер был серьезно обеспокоен тем, что он рассматривал как культ личности нового президента. На публике Анни была подчеркнута молчалива, но в частных беседах недвусмысленно высказывала свое неодобрение. Поначалу они согласились идти каждый своим путем, но в 1910 г. вступили уже в открытый конфликт.

Расколу способствовало судебное преследование Анни Безант, начатое отцом Кришнамурти. Штейнер и его друзья были согласны с Нарьяньяхом - Ледбитер подверг серьезному сомнению репутацию не только его семьи, но и всего Общества. Однако для самого Штейнера наиболее серьезное оскорбление заключалось в том, что Ледбитер отождествлял Повелителя Майтрею, предположительно воплотившегося в Кришнамурти, с Иисусом Христом. Вся космология Штейнера была основана на фигуре Христа: он рассматривал его не как особого человека (тенденция гуманистической теологии) и не как очередное воплощение мирового духа; для него Иисус Христос был уникальным субъектом всей духовной истории. Штейнер также проводил различие между человеческим телом Иисуса и духом Христа, вошедшим в это тело за три года до его смерти. Таким образом, он не мог принять идею того, что Кришнамурти является самым последним - и, следовательно, наилучшим - воплощением Христа в этом мире, или что этот дух подчиняется Повелителю Мира, обитающему в Шамбале.

Орден Звезды Востока должен был пропагандировать именно эти идеи, и критический момент настал, когда Штейнер отказался допустить функционирование этого ордена в Германии, требуя от немецких теософов выйти из его рядов. Он послал телеграмму Анни Безант в Адьяр, предлагая ей отказаться от поста президента Общества. Она ответила тем, что закрыла Германский филиал и исключила Штейнера из рядов основного Общества. Тогда он порвал все связи с теософией и в феврале 1913 г. основал Антропософское Общество. Многие немецкие теософы последовали за Штейнером, а оставшиеся перешли под опеку старого друга ЕПБ, доктора Шлейдена, мюнхенского фабриканта.

Но история с Кришнамурти была лишь внешним поводом для разрыва Штейнера с теософией; за ней крылись более глубокие причины. Штейнер давно убедился, что Общество страдает от двух важных недостатков, которые он безуспешно пытался преодолеть. Во-первых, назрела необходимость интеграции теософской доктрины с ценными элементами европейской философской традиции. Смесь восточной терминологии и персональных откровений, характерная для ранней стадии, сослужила свою службу - заставила Запад осознать брешь в своем понимании реальности, нанесенную материализмом и атеизмом, но этого еще недостаточно. По-настоящему всеохватывающая доктрина должна опираться на традиции конкретной местности. Нельзя просто так отбросить европейские формулировки духовной истины. При этом нужно отделить зерна от плевел, но для этого необходимо создать настоящую гуманитарную науку.

Вторая проблема - вопрос духовной педагогики. Как мы видели, Блаватская, а позже и Ледбитер попытались сделать нечто в этой области, но их методы были расплывчаты и основывались на личном авторитете. Не существовало четко сформулированных методов и традиций, кроме тайных инициаций Ледбитера, которые были слишком церемониальны и субъективны. Честно говоря, согласно Ледбитеру, это и являлось отличительной чертой эзотерической традиции, которая по определению передает тайное знание, а не общепризнанные вещи; она поэтому и должна существовать в тайне и быть значимой только для учителя и ученика. Тем не менее Штейнер предполагал, что если теософия не желает оставаться смесью неопределенных доктрин и обещаний сомнительной чести быть удостоенным приобщения к Учителям под руководством своевольных вождей, то ей потребуется нечто большее, чем несколько одаренных педагогов. Этим "нечто", по мнению Штейнера, должен был стать педагогический метод: комплекс познавательных приемов и способов их адекватной передачи. Была необходима духовная практика, которая объединила бы различные доктрины, доступные западным ученикам, с методом изучения этих доктрин.

Предполагалось, что эту практику предоставит антропософия, что указывалось уже в самом названии, отличном от "теософии". Она оставила важный принцип теософии - представление о духовной науке. Штейнер понимал слово "наука" в обоих смыслах: как комплекс знаний и как методологию. Для него это было одной из отличительных черт западной эзотерики по сравнению с восточным оккультизмом - последний старался перевести все материальное в область духовного, первая же рассматривала человеческую жизнь как часть материального развития и говорил на материальном языке. Человек - это именно то существо, в

котором объединены чувственное и сверхчувственное; этим он отличается и от животных, и от ангелов. Важно не только сверхчувственное, но и чувственное - реальность составляют обе эти сферы. Антропософия изучает место человека в этой реальности. Это не мудрость богов, которая недоступна нам по определению, но менее возвышенная человеческая мудрость, или мудрость о человеке.

Если новое общество отличалось от старого своими идеями, то внешний вид поначалу оставался прежним. Большую часть "антуража" Штейнер получил от Теософского Общества: важные матроны, экзальтированные леди и юные девицы, богатые идеалисты и чудаки различных сортов. Однако сама атмосфера в Антропософском Обществе была более возвышенной, чем в теософском, и с самого начала Штейнера окружали почтение, серьезность и оптимизм. На фоне вульгарности и надменности теософии антропософия была подчеркнута естественна и склонна к простому образу жизни. Многие теософы были вегетарианцами, реформаторами моды или защитниками животных, но только "штейнерианство" могло включить все эти идеалы как органичные. Распорядок жизни, основанный самим Штейнером, задавал тон каждому аспекту жизни Общества - от цвета аур до цвета кухонных шкафов, поскольку он сам лично заведовал всем - от духовной жизни своих последователей до их питания.

Среди альтернативных духовных учителей Рудольф Штейнер представлял особый тип: педантичный и весьма образованный западный интеллеktуал.

* * *

Война 1914 года оказалась неприятной неожиданностью для теософии и доставила ей определенные затруднения. В то время как теософия официально провозглашала братство и религиозный универсализм, в Обществе тем не менее прокрался шовинизм и каждая группа теософов, как все прочие люди, считала, что Бог находится именно на их стороне.

Некоторые пошли еще дальше, извлекая личную выгоду из самой катастрофы. Империалистически - до фанатизма - настроенный Ледбитер не только отождествил немцев с Темными Силами, но совершенно в духе вульгарного дарвинизма заявил, что война является частью эволюционного процесса, формой диалектики, которая приведет к высшему синтезу человечества. Он даже цитировал мусульманскую книгу, чтобы доказать, что убить немецкого солдата - это значит сделать ему благо, предоставляя ему возможность перерождения на более высоком духовном уровне, тогда как быть живым "гунном" совершенно бесполезно. Победа Британии таким образом способствовала бы претворению божественного плана.

На другом берегу Северного моря Р. Штейнер соглашался с Ледбитером, что войну развязали Темные Силы вопреки всем стараниям лучших политических деятелей, но утверждал, что победить их суждено лишь великой Тевтонской культуре и что немецкий народ выполняет высшую духовную миссию. Хотя сам он был достаточно благоразумен, чтобы не восхвалять милитаризм и национализм, многие его последователи с готовностью возлагали всю ответственность за

ужасное кровопролитие на Британию. В антропософских кругах было широко распространено мнение о том, что легкомыслие Эдуарда VII и его разлагающая франкофилия лежали в корне всех европейских проблем - вариация общераспространенного среди немецкой интеллигенции взгляда на англичан как на нацию себялюбивых бакалейщиков, находящихся по моральному и духовному развитию ниже своих двоюродных саксонских братьев. (По иронии судьбы, сами англичане считали Эдуарда высокомерным германцем.)

Что бы ни говорили апологеты Штейнера, его личные предвоенные высказывания по поводу европейской политики дали все основания для появления подобных безумных идей. Мистическое представление о некоем заранее предназначенном пути для наций, вписывающимся в космическую схему, делало почти невозможным различие между восхвалением тевтонской культуры и самыми крайними формами национализма. Штейнер, например, разделял мнение Геккеля и Фихте о том, что немцы - самая философская нация, превосходящая в этом всех остальных европейцев. Это мнение основано, в свою очередь, на том представлении, что философия есть высший вид духовной деятельности и потому немцы более развиты, чем все другие народы.

Штейнер также развил представления своих философских наставников об "исторических задачах" каждой нации, добавив от себя теорию о руководстве каждой нацией свыше особым архангелом, отражающим в некоторой степени дух этой нации. Принц Макс Баденский, последний канцлер Германской Империи, особо просил предоставить ему копии лекций по этому вопросу {4}. Согласно этой теории другие европейцы должны развивать один из "аспектов" развития человечества в качестве вклада во всеобщую эволюцию - достаточно интересное предположение, умаляемое, однако, банальностью конкретных выводов Штейнера о том, что итальянцы представляют чувство, французы - мысль, англичане - сознание и тому подобное. Естественно, только немцы объединяют в себе все эти качества на самом высшем уровне.

К началу войны Штейнер находился в Швейцарии, где в декабре 1914 г. женился на Марии фон Сиверс. Во время войны он придерживался некоторого нейтралитета, стараясь в своих лекциях придать войне космическое освещение и подчеркнуть роль всех участвующих сторон; но читал он их в Германии и Австрии, и нейтралитет публики конечно же был весьма сомнителен. К тому же он был советником и другом семьи главы Германского Генерального Штаба Гельмута фон Мольтке, и знакомство это вряд ли способствовало сохранению отстраненного взгляда на события. Хотел того Штейнер или нет, но антропософия ассоциировалась с германскими военными действиями так же, как теософия - с политикой союзников. Правда, во время войны среди членов Антропософского Общества насчитывалось несколько англичан, но они хранили глубокое молчание.

Поначалу Штейнер, как и многие, считал, что в результате конфликта родится нечто новое, светлое и чистое в отношениях между нациями; но по мере того как война принимала все более ужасные формы, его инстинктивный национализм переходил в размышления о более глобальных перспективах. После войны он был готов поддержать Лигу Наций и в поздних работах он особо подчеркивает различие между политическим и духовным. Начиная с 1919 г. он меньше говорит о духовной

миссии Германии и все больше о политической мощи Германии, которой приходится удерживать равновесие между Англией и Америкой на Западе и Россией на Востоке. Эта идея - не настолько уж и оригинальная - возникла как результат увеличивавшегося интереса Штейнера к социальной и политической организации общества. Его мышление строится на традиционном сравнении политической системы с человеческим телом, в котором все члены и органы должны функционировать согласованно.

Споры о национальном характере были частью более старого и запутанного спора об арийцах и подчеркивали расистскую сторону оккультизма. В XIX веке исследователи доказали, что большинство европейских языков и народностей родственны между собой, и потому возникло предположение о том, что существовал единый народ - арийцы, говорившие на санскрите, - который со временем растворился (или "загрязнился", как считали некоторые), среди другого населения, продвигаясь через всю Европу на Запад. Поскольку различные теоретики, от Руссо до Гобино, утверждали, что чистота означает силу и энергию, все нации претендовали на то, чтобы считаться прямыми потомками арийских предков.

Это соперничество привело к неожиданным последствиям. В конце XIX века немцы, разрываясь между тевтонской гордостью и завистью к более преуспевшим англичанам, кровь которых была загрязнена кельтскими и романскими примесями, заявили, что самые великие англичане, например, Шекспир, на самом деле были германцами. Французы утверждали, что их франкские и галльские предки тоже были германцами. Но все при этом не сомневались в своем превосходстве перед евреями и славянами.

Это презрение, приведшее к страшным последствиям в гитлеровской Германии и сталинской России, очень странным образом отражалось в оккультных построениях. Стараясь каким-то образом отделить Иисуса Христа от евреев, Штейнер, как и расистский теоретик Хьюстон Стюарт Чемберлен, предполагал, что Иисус сочетал в себе еврейские и арийские черты, приближаясь таким образом к доброкачественному германскому типу. Следующим шагом было полное отрицание еврейского происхождения Христа, и немалое количество людей охотно согласилось с этим. Даже гималайские Учителя теософии обладали не только приятной индийской внешностью, но и светлой европейской кожей.

Таким образом, война имела под собой не только политическую или экономическую подоплеку. Она была также и дарвинистской борьбой за расовое, моральное и духовное превосходство. Подобные идеи, возможно, вовсе не интересовали солдат в окопах, но тем не менее они были популярны среди политиков, которые их туда посылали, а также поддерживали ура-патриотическую публику, ратовавшую за усиление военной мощи своих стран.

Теософия и антропософия выиграли от духовного голода конца войны и от смутного ощущения, что старые религиозные и политические институты окончательно дискредитировали себя. Оба общества активно развивались в 1920-х годах и привлекали все новых членов. Но тот же духовный голод породил и другое альтернативное направление и учителей, хотя и более обязанных теософии, чем

они это признавали, но угрожавших заменить ее туманные общие места чем-то более конкретным и эффективным. Это направление вновь заявило о "Востоке", но на этот раз вместо некоего синтеза религий и философий, о котором писала мадам Блаватская, это был воинствующий ислам. Это учение затронуло большое место европейцев. Казалось, что жестокости войны переместились с полей сражений в частную жизнь. Фрейд уже начал исследовать психическую подоплеку человеческой жестокости и ее подавления. Война, по его мнению, была следствием не военного инцидента или политических ошибок, а неосознанного массового стремления к жестокости, которое не могли усмирить моральные и социальные нормы. Теперь религиозная подоплека этого бессознательного желания масс могла быть выявлена. Эра кроткого Христа подходила к концу.

* * *

Школа мудрости Штейнера находилась не так далеко от Дормштадта - в Дорнахе возле швейцарского Базеля. К тому времени Штейнер уже основал свою антропософскую группу, отколовшуюся от теософии, и в 1911 г. он приобрел для нее здание в Штуттгарте, где у него нашлось немало последователей. Вскоре после разрыва с теософией он начал собирать средства для постройки штаб-квартиры в Швейцарии. Первый камень в основание нового здания был заложен на церемонии, состоявшейся в сентябре 1913 г. под завывание сильного ветра и во внезапно наступивших сумерках, но Штейнер не счел это дурным предзнаменованием и к концу года закончил модели основных сооружений. Вскоре начались работы, и здание, призванное воплотить в жизнь идеи Гете об искусстве и духовности, получило название "Гетеанум".

Быстрый ход строительства, продуманные детали - от резных украшений до витражей - словно свидетельствовали о здоровой практической стороне антропософии: художники и интеллектуалы, ремесленники и любители, рядовые члены и руководители работали вместе над постройкой деревянного дворца объемом более шестидесяти пяти тысяч кубических метров, покоящегося на каменном основании и увенчанного шиферной крышей в норвежском стиле. Штейнер не только проектировал здание, он руководил буквально всеми работами, включая замысловатые декорации. Он также лично работал на строительстве здания в промежутках между поездками по Германии и Центральной Европе. Ничего подобного ранее не видели, и за небольшой срок своего существования (здание сгорело в декабре 1922 г.) дворец стал объектом паломничества не только антропософов, но и просто любителей искусства, интересовавшихся зримым воплощением эстетических взглядов Штейнера.

Следуя за Гете, который разделял представления каббалистов о том, что Господь создавал все сущее посредством дыхания, Штейнер рассматривает Землю как живой организм; смена времен года для него символизирует процесс дыхания. Летом Земля выдыхает, зимой она вдыхает. Человечество включено в процесс жизни как органическая часть; жизнь человечества и человека вплетена в сезонные, исторические, глобальные и космические жизненные циклы. Во время

равноденствий человек меняется физически и духовно. Таким образом, человечество является частью эволюционирующего макрокосмического духовно-физического организма, повторяющего все стадии развития на микрокосмическом уровне. Духовная история человечества - также часть этого процесса. Штейнер считал, что современное человечество утратило духовную, эстетическую и познавательную целостность, за что теперь и расплывается. Всякая деятельность и всякая вещь, производимая человеком, должна способствовать обретению этого утраченного единства всеми возможными способами.

Поэтому архитектура и пространство Гетеанума должны были выражать органическую вовлеченность Человека в Природу и фокусировать духовную энергию. Все в этом здании должно было быть функциональным и значимым. Много писали об уникальности стиля Штейнера, хотя в декоративной отделке дома, особенно в таких деталях, как совершенно отличавшиеся друг от друга колонны или оконные рамы, довольно явно просматривался стиль модерн. Штейнер был убежден, что художественная форма возникает из внутренней духовной необходимости, если произведение по-настоящему величественно и значимо, каким и должно быть подлинное германское искусство. Поэтому все в доме должно было словно "проистекать" друг от друга, следуя теории метаморфоз Гете, согласно которой все органическое непрерывно меняется и эволюционирует, и собственному восприятию Штейнера аур или силовых линии, которые, в его понимании, окружают каждое живое существо. В планировке и дизайне помещений бросается в глаза отсутствие прямых линий, которых, по возможности, старались избегать. Декорации были продуманы вплоть до мельчайших деталей. Даже цвета стекол окон, стен и потолков соответствовали цветовой теории Гете и Штейнера; разные оттенки символизировали разные состояния души и были предназначены производить различные психологические и духовные эффекты. Строительные материалы выбирались тоже очень тщательно; использовались краски только растительного происхождения.

Округлые и плавно изгибающиеся линии порождали конструктивные проблемы, особенно когда потребовалось возвести два пересекающихся деревянных купола разных размеров, венчающих основное здание (один из них был больше купола Собора св. Петра). Поскольку они входили один в другой, их невозможно было укрепить стандартным способом - скрытыми архивольтами - и потому было разработано особое крепление, так чтобы они поддерживали друг друга. Но инженерные проблемы отступали перед более общими соображениями о многофункциональности здания. Пространство под куполами, где могло разместиться более тысячи людей, представляло собой одновременно и лекционный зал, и аудиторию для антропософских собраний по образцу теологических конгрессов. Были предусмотрены и жилые помещения, и пространные мастерские, и вскоре, подобно Пойнту-Лома, Гетеанум стал не только храмом, но и общественным, художественным и образовательным центром. Подобно Гурджиеву, Штейнер выступал одновременно и как терапевт, и как маг. Он поставил цель свести воедино все аспекты и проявления жизни, чтобы личная духовная эволюция человека могла способствовать эволюции всего общества. Таким образом, Гетеанум рассматривался буквально как космический проект.

Страстью к грандиозным проектам Штейнер во многом обязан Вагнеру. Решив поселиться в Швейцарии, после того как ему отказали власти Мюнхена, Штейнер говорил с землевладельцами о строительстве нового здания и некоторое время спустя присутствовал на спектакле "Парцифаль" в собственном театре Вагнера. "Парцифаль" - это опера, в которой воплощены представления композитора о "Gesamtkunstwerk", или синтетическом произведении искусства, примененные в данном случае к легенде о святом Граале. Постановка произвела неизгладимое впечатление на Штейнера, который к тому времени уже интересовался концепцией драмы как способа переживания религиозного опыта и сакрального действия. Нечто подобное он нашел в попытке Эдуарда Шюре преобразовать орфические ритуалы и приспособить их к современной сцене. Объединив идеи Вагнера и Шюре с собственной доктриной, он написал пьесы-мистерии, которым предстояло сфокусировать всю активность Дорнаха и которые до сих пор входят в антропософский репертуар.

Эти пьесы, изображающие духовную эволюцию одних и тех же персонажей на протяжении четырех сцен (пятая так и не была написана), объединяют искусство речи, движения, цвета и декораций, дав новый толчок развитию эвритмики {6}. Эвритмия Штейнера (в отличие от эвритмики Далькроза) определяется как зримая речь и песня и основывается на идее о том, что воздействие на людей оказывает не только смысл, но и звучание слов. Звуки создают невидимые волны, движущиеся в воздухе, и их можно перевести в видимые формы, похожие на те линии, что встречаются в живописи и скульптуре Штейнера. Но слова сами по себе тоже значимы, поэтому их тоже можно использовать наряду с движениями.

Как и Гурджиев, Штейнер верил, что танцевальные ритмы созвучны космическим ритмам и могут дать ключ к пониманию природы последних, и что древние храмовые танцы, которые ныне забыты, отображали именно эти ритмы и их соотношенность с человеком. Все во Вселенной пронизано невидимым ритмом; беда современной жизни заключается в том, что люди утратили естественное чувство ритма - и в окружающем мире, и в собственных телах. Если воссоздать их в танце - искусстве, в котором сходятся все способности человека, то можно узнать истины космологии и космогонии. И поскольку это такое искусство, в котором воплощаются представления о пространстве и времени (и их взаимодействии), танец является потенциальным средством открыть древнюю формулу, поиски которой побудили мистера Фельта и его друзей за сорок лет до того основать Теософское Общество. Таким образом, танец стал необходимым средством приобщения к антропософии: средством, которое может преобразовать дискурсивную науку о духе в непосредственное восприятие Бытия.

* * *

1920-е годы были не только временем всеобщей надежды и подъема, они также оказались и временем жестоких финансовых кризисов. Печально известный крах на Уолл-стрит оказал влияние на все сферы жизни, от финансов до религии. Вслед за кратковременным послевоенным подъемом и вспышкой общественного

оптимизма, связанной с созданием Лиги Наций, конец 20-х годов ознаменовался необузданной инфляцией, спад сельского хозяйства и промышленного производства, массовой безработицей и политической нестабильностью. В массовом сознании религия уступила место политике. После прихода к власти в Германии в 1933 г. Гитлера мир разделился на три лагеря: либеральные демократы, фашисты и коммунисты. Теософское Общество переживало упадок, Работа подошла к концу; Школа Мудрости в Дармштадте закрылась, антропософия преследовалась; многие лидеры, о которых идет речь в этой книге, либо умерли, либо, умолкли, впали в безумие или оказались в изгнании.

Первым знаком надвигавшихся перемен стал пожар, который уничтожил первое здание Гетеанума в ночь на новый 1922 г. Незаконченное деревянное здание легко могло стать жертвой любой неосторожной искры, вылетевшей из печи или огня в мастерской, но возникло подозрение в поджоге - и не без оснований. В Германии началась клеветническая злобная кампания против Штейнера; его обвиняли во всех грехах - в том, что он колдун, еврей, предатель, черный маг, карбонарий, коммунист и член Фабианского Общества, а также в том, что он финансовый махинатор и покровитель Ирландской освободительной армии.

Многие антропософы видели в пожаре происки недоброжелателей, однако некоторые считали, что за всем этим стоит сам Ариман, Повелитель Темного Лица, а не какие-то конкретные люди. Согласно Штейнеру, злобный Ариман стал вмешиваться в земные дела с 1879 г., когда архангел Михаил взял человечество под свое покровительство и повел его по пути космического просвещения {2}. Силы зла оказывали упорное сопротивление духовному просвещению людей. (Очевидно, такими же каверзными способами, как поджог центра.) Иначе говоря, разрушение Гетеанума интерпретировалось как проявление на физическом плане метафизической войны, Зла и Добра, хотя это толкование и не помешало Антропософскому Обществу получить значительную страховку.

Уравновешенный и спокойный образ жизни Штейнера, занимавшегося постройкой Гетеанума и читавшего лекции, находился в разительном контрасте с злодеяниями, в которых его уличали. Впрочем, и антропософы отвечали в сходных выражениях, обвиняя своих врагов в духовном и физическом вредительстве и в покушении на жизнь своего предводителя. Похоже, некоторые из этих обвинений не лишены достоверности. В Германии того времени были широко распространены политические убийства - как результат поражения, чудовищной инфляции и политического хаоса; различные группы и объединения пытались найти виноватых во всех неудачах. В сентябре 1921 г. Гитлер стал председателем Национал-Социалистической партии, в программу которой входили антисемитизм, антикоммунизм и национальное возрождение, что выразилось во всяческом восхвалении достоинств немецкой нации. К ноябрю 1923 г. Гитлер стал одним из влиятельных лиц правой оппозиции и призывал к свержению правительства, за что и угодил в тюрьму. Атмосфера была настолько наэлектризована, что даже благопристойные собрания последователей Штейнера стали контролировать группы угрюмых молодых людей, готовых наброситься на возможных возмутителей спокойствия.

Однако именно это беспокойное время и стимулировало возрастание интереса к работам Штейнера в немецкоязычных странах, а особенно в его родной Австрии, политическая жизнь в которой пришла в полнейший упадок. Несмотря на поражение и внутренние конфликты, Германия оставалась единой; хотя и потеряв часть территорий, она была той же страной, что и до 1914 г. Что касается Австро-Венгерской империи, то она была полностью разрушена. В одно мгновение Вена из европейской столицы превратилась в провинциальный центр беспокойной страны, постоянно сотрясаемой региональными конфликтами.

Теперь Штейнер стал уделять особое внимание социальной и политической сферам жизни, это было вызвано объективной потребностью установить такой порядок в Центральной Европе, который бы был способен предотвратить очередную волну революций и новую войну. Невозможно было не учитывать в этих условиях и успех Ленина в России, и дальнейшее распространение атеизма в Европе, только усилившееся под влиянием русской революции. В 1917 и 1918 гг. Штейнеру уже приходилось обсуждать эти вопросы с высокопоставленными политиками в Мюнхене и Берлине, среди которых был канцлер Германской империи принц Макс Баденский. Есть основания говорить, что работы Штейнера были переданы последнему австрийскому императору Карлу VI, хотя вряд ли тот был склонен читать эти запоздалые и слишком фантастические советы по спасению династии.

Доктрина Штейнера основывалась на идее Триединого Социального Порядка, или Организма. Над этой проблемой он много работал в период 1915-1921 гг. Принципиальные воззрения по этому вопросу изложены в книге "Основные черты социального вопроса" (1919). Социальный организм, по его мнению, соответствует принципу известного разделения человеческой психики на ум, чувство и волю, что выражается в наличии культурной, политической и экономической сфер социального организма. Подобно тому как мысль, воля и чувство неразрывно объединены в человеке, так культура, политика и экономика объединены в государстве.

Идея эта сама по себе не нова, будучи основанной на древнем сравнении государства с отдельным человеком. Но если древние теоретики неизменно отождествляли правителя с головой, а другие слои общества с другими (подчиненными) членами и органами тела, то Штейнер предлагает более современную аналогию, термины и девизы для которой он заимствовал из идей Французской революции, хотя, по его мнению, вожди этой революции сами не слишком хорошо их понимали. "Свобода, Равенство, Братство" действительно являются самыми подходящими лозунгами современности, но необходимо помнить, что каждый из них относится к различным сферам общественного объединения.

Идеальное государство, по Штейнеру, предполагает духовную и культурную свободу, политическое равенство и экономическое братство, то есть кооперацию. Сообщества, уделяющие преувеличенное или неправильно устремленное внимание одной из сторон (как, например, англичане с их страстью к политическим свободам или коммунисты с их требованием экономического равенства), сворачивают с духовного пути. Следовать по нему возможно при условии правильно

расставленных акцентов во всех трех сферах. Короче говоря, схема Штейнера сводит роль государства к обеспечению политических прав и подчеркивает важность индивидуального начала, что делает ее неожиданно похожей на более поздние консервативные теории.

Такая трехчленная система, дающая, наряду с прочим, основание и для системы "искусства врачевания", была довольно основательно разработана ее изобретателем и его последователями, но сейчас она нас интересует прежде всего тем, что она просто существовала в этот период. Штейнер не собирался отворачиваться от общества в каком-нибудь подобии Охайя или Приере, а, напротив, предлагал способ спасения мира от хаоса. При этом он понимал, что свое учение не следует навязывать насильно, потому что в таком случае исчезает сам смысл понятия свободы, на котором оно основано. Трехчленный порядок (Трехчленный социальный организм) должен прорасти естественно, из нужд конкретного сообщества. Но этому не суждено было случиться. Принципы Содружества не устояли перед радикальными концепциями коммунизма и национал-социализма.

Дни Штейнера были сочтены. Хотя он изо всех сил собирал средства на немедленное восстановление Гетеанума, пожар глубоко потряс его, и, возможно, тогда же его и настигла неведомая болезнь. Но тем не менее на Новый 1923 г. была проведена лекция и устроено представление в честь солнцестояния - среди руин, и дела пошли своим ходом. После пожара Штейнер также решил реорганизовать Антропософское Общество, которое до тех пор было достаточно неоформленной организацией, причем, как это ни странно, формально он даже не считался ее членом. Это противоречие возникло из-за того, что Штейнер различал Антропософское Движение как достояние всего человечества и Антропософское Общество всего лишь как средство достижения желаемого. Штейнер был предводителем Движения, а не только конкретного общества. Новый Гетеанум должен был их объединить и стать не только духовным центром антропософии, но и административно-финансовым центром общества. В то же время необходимо было оформить и Школу Духовной Науки как постоянное учреждение. Школа была как бы аналогом Эзотерическому филиалу Теософского Общества и включала в себя ограниченное количество членов, объединенных клятвой хранить тайну учения.

Штейнер способствовал и организации ряда детских школ. Они должны были на практике применить те принципы, которые он разработал во время частных уроков, и уделять особое внимание культурному и духовному развитию ребенка. В этих целях вместе со своей ближайшей помощницей Марией фон Сиверс и другими последователями в августе 1923 г. он посетил Англию - йоркширский город Илклея и Пенмаенмаур на Валлийском побережье. Увиденные друидические развалины привели их в восхищение. Блуждая по холмам вместе со своим будущим преемником Гюнтером Ваксмутом, Штейнер воссоздал в воображении древние ритуалы, которые ранее являлись ему в видениях, и включил их в свое синтетическое эзотерическое учение. Через год он пережил тот же восторг в Тинтейджел возле Торки, увидев что воздух после дождя наполнен духовными существами, сверкающими, как капли дождя на солнце. Астральный свет указал ему местоположение древнего замка, и он видел Мерлина и рыцарей, сидящих за

Круглым Столом, причем над каждым был расположен свой знак зодиака. Позже он часто обращался к образам короля Артура и рыцарей, ищущих святой Грааль, считая их предшественниками антропософии, следующей их традициям.

Новый Гетеанум был торжественно открыт на Рождество 1923 г., менее чем через два месяца после неудачного Мюнхенского путча, осуществленного Гитлером 8 ноября. Полностью Гетеанум закончили только через пять лет после смерти Штейнера; он и поныне остается центром Антропософского Общества. Деревянное строение сменилось бетонным, но в некотором смысле это было даже к лучшему, потому что бетон больше подходил для воплощения художественных принципов Штейнера. Штейнеру было уже шестьдесят три года, и он был настолько болен, что почти не принимал пищу. Большую часть времени он писал в своей комнате автобиографию и диктовал письма и лекции Ваксмуту. От традиционных методов лечения он отказался.

Штейнер разрабатывал собственные методы врачевания и свою фармакопею. Одной из его первых последовательниц в этой области была врач Ита Вегман, находившаяся рядом с ним в последние месяцы его жизни. Как и Месмер и Бейкер Эдди, Штейнер считал, что болезнь возникает не от органических, а от духовных причин. Во-первых, болезнь объясняется кармическими причинами. За пятнадцать лет до этого Штейнер, порывая с теософией, подверг критике "Жизни Альционы", однако сам читал лекции по "Кармическим связям", описывая ход цивилизации как процесс проявления различных духовных реинкарнаций, правда, отказавшись от снобизма и фаворитизма, свойственных Ледбитеру. Он также подчеркивает искупительную роль Христа в исправлении цепи инкарнаций. Учение о карме, то есть об ответственности за ошибки, допущенные в предыдущих воплощениях, как будто противоречит вере в Иисуса Христа, искупившего своей смертью грехи всего человечества, однако Штейнер показывает, что это противоречие только кажущееся: человек действительно платит за совершенное, но Христос своим вмешательством не дает человеческим грехам способствовать накоплению могущества Аримана, который в противном случае давно бы затопил мир волной отрицательной эфирной энергии, полученной из прошлых пороков. "Расплата" за прошлые грехи принимает форму психической и/или физической болезни.

Во-вторых, возможной причиной серьезного заболевания может быть наступление новой стадии духовной эволюции. Так же Штейнер относился и к собственной болезни: смерть всего лишь очередной шаг на Пути - переход за Порог, как говорят антропософы. Штейнер перешел Порог 30 марта 1925 г., через четырнадцать недель после того, как Гитлера выпустили из тюрьмы.

* * *

Экология для современных западных гуру значит то же самое, что для их предшественников значили вегетарианство, охрана животных, гомеопатия и простой образ жизни. Экологические группировки заявляют, что на их стороне последовательная философия и насущная необходимость. За последнее

десятилетие многие учителя и спиритуалистические группы стали "зелеными", ставя проблему выживания планеты на главное место среди духовных задач человечества - в отличие от старых мистических традиций, отвлеченных от земных вопросов.

Одним из последствий этого сдвига во мнениях было возвращение антропософии, которая появилась как неожиданный победитель в давних войнах между Безант, Тингли и Штейнером. Ибо хотя Антропософское Общество само по себе растет медленно и, подобно теософии, большинство его членов - люди пожилого возраста, влияние его возросло неизмеримо. Этому способствовало духовное возрождение конца XX века; отчасти прекрасно структурированная организация, учрежденная основателем; но более всего интерес Штейнера к вопросам охраны окружающей среды и центральное место, уделяемое в его философии отношениям между экологией и религией.

Основная сила учения Штейнера - в отличие от теософии - это ее практичность. Если у Штейнера на все была своя теория, он также умел претворять ее на практике. Соотнося космологию и психологию с экологией, он ставит человечество в центр комплексной универсальной экосистемы, в которой духовные и биологические силы играют одинаково важные роли; но он также принимает в расчет и физическое существование на земном уровне: еда, сон, хозяйство, работа. Вдохновленное успехом Движения зеленых, Антропософское Общество недавно основало собственный банк для кредитования под низкие проценты целесообразных экологических проектов: сельскохозяйственных ферм, небольших предприятий легкой промышленности, ремесленных мастерских и народных промыслов. Движение зеленых также поддерживает образовательные, фармакологические и медицинские антропософские проекты, которые отвечают современным экологическим требованиям, будучи основаны на естественных системах и материалах.

Близких к антропософским принципам придерживаются и другие объединения. Например, Международный Фонд Эмиссаров (Emissary Foundation International) имеет свои филиалы в Канаде, Австралии, Англии, Америке, Южной Африке и во Франции, где его члены живут в общинах и следуют доктрине, похожей на доктрину Штейнера. На истории этой серьезной организации можно видеть те перемены, которые произошли со многими альтернативными религиозными группами за последние три десятилетия. Это объединение было основано в 1932 г. американским индейцем Ллойдом Микером, который возглавлял его под именем Уранда, тогда как его последователи именовались Эмиссарами Божественного Света. Как следует из названия, это был мистический орден, основанный на вере в существование Высших Существ (разновидность Тайных Учителей), которые при правильном подходе могут передать мудрость Посвященным.

Продолжая считать духовную жизнь ключом к преобразованию мира в положительном направлении, орден, переименованный в Фонд Эмиссаров, ныне свел до минимума мистические аспекты, переключив внимание на проблемы экологии и психологии. Членов организации объединяет не мистическое откровение, а общая цель - улучшить как себя, так и окружающий мир посредством "настройки" личности в унисон с другими людьми и природными ритмами земли.

"Настройка" подразумевает молитвы, медитации и размышления, но не менее важную роль играет активная деятельность. Фонд заведует многими образовательными проектами и поощряет альтернативные медицинские и финансовые предприятия. В этом объединении нет культовой замкнутости. Посторонние люди могут посещать семинары по "Искусству жить", и группы приветливо принимают гостей на фермах и ранчо.